

УДК 811.161.1

НОРМА В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Пономаренко И.Н.

Кубанский государственный университет, г. Кубань, Россия

В современном русском языке меняется представление о норме в связи с изменением условий коммуникации и традиционной оценки литературного языка.

Ключевые слова: *норма, литературный язык, язык-стандарт, рекомендательный характер, демократизация нормы.*

Проблема нормализации речи особенно актуализировалась в последние 15-20 лет в связи с возрастающей ролью публичной речи. Разработке теории и практики нормативности посвящены опубликованные в разные годы труды Д.Н. Ушакова, Л.В. Щербы, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, С.И. Ожегова, Р.И. Аванесова, М.В. Панова, К.С. Горбачевича, В.А. Ицковича, Н.Н. Семенюк, Л.И. Скворцова, Л.А. Вербицкой, Л.П. Крысина и других отечественных лингвистов.

Э. Косериу, который ввел понятие нормы, подчеркивая социальную обусловленность понятия, предложил различать два аспекта: широкий, социолингвистический («норма соответствует не тому, что «можно сказать», а тому, что уже «сказано» и что по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе») [4, с.175] и более узкий, собственно лингвистический – итог целенаправленной деятельности по отбору и рекомендации языковых средств в качестве образцовых.

Среди множества определений нормы, приведенных в учебной и научной литературе, можно выделить, на наш взгляд, два типа: **категориальные** (Л.И. Скворцов – «принятые в общественно-языковой практике *правила*», Н.Н. Семенюк – «*совокупность* наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы», С.И. Ожегов – «*совокупность* наиболее пригодных...элементов», Л.А. Вербицкая – «*совокупность* явлений») и **функциональные** (К.С. Горбачевич – «правильность *выбора* слова и уместность *применения* его», Л.П. Крысин – «совокупность правил *выбора* и *употребления* языковых средств», Е.В. Сергеева – «принятые...*способы* *употребления*»).

К характерным особенностям нормы безусловно причисляют относительную устойчивость, распространенность, общеупотребительность и общеобязательность, а также соответствие возможностям языковой системы. При этом норма динамична и подвижна, она отражает современное состояние языка и речевые предпочтения его носителей. Помимо собственно лингвистической важности, бесспорна социальная и культурная значимость литературной нормы. Она выполняет функцию своеобразного сита, обогащая литературную речь всем точным и ярким, что есть в народной речи, и задерживая все случайное и невыразительное.

Хотя по традиции нормы и называют «языковыми», они рождаются, закрепляются и совершенствуются в речи. Коммуникативная целесообразность нормы позволяет ей гибко соотносить потенции системы с условиями реализации. *Цель статьи* – анализ представлений о норме в современной языковой ситуации.

Не нуждается в доказательстве тот факт, что новые формы создаются только по моделям, заложенным в системе, и не могут противоречить ее возможностям. Хотя и в норме не может быть представлено все, что разрешено системой, новые варианты, не предусмотренные системой, возникнуть в употреблении не могут в принципе. Поэтому, как заметил К.С. Горбачевич, изменения нормы, которые мы наблюдаем, возможны или в пределах вариантности системы, или в результате определенных изменений, происшедших в системе. Установлены два основных типа причин изменения норм: *внутренние* – закон экономии и закон аналогии, неоднозначность соответствия формы и содержания, потенции и подвижность языковой системы и *внешние* – экстралингвистические факторы, включающие процессы демократизации, расширения сферы применения и дифференциации языка.

Важным логическим аспектом теории нормы является сопряжение данного понятия с понятием «вариантность». Причем, по мнению лингвистов (Горбачевич, Вербицкая), проблема обсуждения нормы возникает каждый раз, когда говорящий сталкивается с проблемой выбора, т.е. проблемой наличия вариантов. В.М. Солнцев считает *вариантность/вариативность* [9, с.80] полными синонимами, Л.А. Вербицкая принципиально важным считает разграничение *вариативности* как обязательной черты языка, которая «навязывается им», и *вариантности*, которая в отличие от вариативности «не провоцируется языком, а разрешается им» [1, с. 15-16].

Л.К. Граудина пишет, что «*вариантность* следует рассматривать как свойство по терминологическому значению прилагательного *вариантный*. Обозначает она особое качество, связанное с существованием разновидности, видоизменения, второстепенных элементов языковых сущностей, их частных (вариантов) при сохранении того, что является основой (инварианта). С помощью этого термина характеризуются способы существования и функционирования дублетных элементов языковой системы на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях» [3, с.34], иными словами, «под вариантами понимаются проявления одной и той же сущности» [9, с.80].

Вариантность, являясь оборотной стороной нормативности, представляет собой, по сути, уникальное языковое явление. Во-первых, явление это асимметрично: нарушен закон соответствия «один знак – одно значение»; во-вторых, оно противоречит закону экономии языковых средств; в-третьих, часто имеет негативную социальную оценку: неспециалистами вариантность нередко рассматривается как свидетельство несовершенства языка или недостаточной его изученности.

Современная лингвистика бесспорным считает положение о вариантности как объективном следствии языковой эволюции, неременной характеристике динамики литературного языка. Наличие вариантов рассматривается как необходимый этап развития языка, который, с одной стороны, обеспечивает преемственность в

словоупотреблении, с другой – способствует становлению наиболее приемлемого способа реализации языковых средств.

Для исследования динамики изменения акцентологической нормы в период с 1983 по 2006 гг. нами из академического орфоэпического словаря методом сплошной выборки нами были вычленены 274 вариантные пары с пометами «и» и «допустимо», из которых в «Орфоэпический словарь русского языка» 2006 г. (составитель В.И. Крюков) 170 единиц были включены уже как единственно возможное употребление. Сравнивая данные двух словарей, можно говорить, что примерно за 20 лет количество вариантов, фиксирующих диспозитивный тип нормы, сократилось на 62%.

Известно, что употребление предполагает активное продуцирование речи в устной и письменной форме. В многочисленных классификациях нормы по различным признакам (обязательности, связи с уровнями языка и т.д.), есть место и классификации по признаку формы речи – норм устной и письменной речи, т.е. противопоставление орфоэпической и орфографической нормы. Письменная речь является подготовленной, поэтому и письменный текст строже нормирован.

Однако сегодня все более широкое распространение получает текст в электронной версии, отличающийся и от устного, и от письменного вариантов, но в то же время сочетающий их признаки. Речь воспринимается визуально, как письменная, хотя может быть неподготовленной и необработанной (например, общение в чате, многочисленные форумы, SMS-диалоги и т.п.). «Визуальная» речь содержит конструкции и формальные признаки устной речи, но хранится и передается на расстоянии, как речь письменная.

М.А. Кронгауз обращает наше внимание на то, что сегодня письменная вариативность стала абсолютной реальностью. И если прежде создание письменных текстов было уделом немногих, то теперь письменное общение стало живым. Но в то же время раньше письменная речь доходила до читателя через корректора и редактора, становясь образцовой, теперь же для пользователей Интернета правила диктуются употреблением.

Электронное общение стало быстрым и предельно упрощенным, о чем свидетельствует близкий к телеграфному синтаксис, отказ от заглавных букв, знаков препинания, использование аббревиатур и смайликов. Об упрощении характера общения свидетельствует широкое использование разговорной лексики, стирание грани между личностно и статусно ориентированным общением. Формируется неумение различать жанровую и стилистическую уместность языковых средств, снижаются этикетные требования. Отсутствие знаков препинания превращает письмо в свободный поток сознания, а возможность автоматической проверки орфографии приводит к убеждению, что изучать нормы правописания совсем не обязательно.

Простота, с которой строится общение через электронную почту, частота контактов и стремление переработать огромный объем информации обуславливают изменение характера употребления языковых средств и, как следствие, отношение к норме. Бесспорно, изменение условий коммуникации влияет на грамотность, причем в большей степени, чем словари и грамматики. Условия виртуального

общения меняют правила: ради простоты и естественности коммуникации нарушается норма.

Надо заметить, что печатный текст в сознании носителя среднелитературного типа речевой культуры всегда соотносился с нормативным, поэтому, решая вопрос «правильно или неправильно», он обращается не к словарю, а к печатному тексту. Но, поскольку теперь многие функции печатных изданий перешли к Интернету, визуальный текст приобретает качества «правильного», нормативного, так как нормой может считаться то, что привычно, принято (это, кстати, не противоречит определению нормы, являющейся «правилом, традиционной реализацией, принятой в обществе»). Поэтому интернет-пользователь обратится не к словарю и даже не к печатному изданию: он, скорее, наберет слово в поисковой системе и правильным будет считать тот вариант, который чаще встречается.

Однако можем ли мы всех пользователей Интернета отнести к той части общества, которая не влияет на норму как выбор? И если на этот вопрос нет однозначного ответа, то несомненно: интернет-пользователи – значительная часть общества. И если не считаться с ее выбором, как это можно соотносить с первой частью характерных признаков нормы – *общеупотребительная, общеобязательная*?

В лингвистической традиции многочисленные определения нормы сводятся к утверждению, что это совокупность наиболее устойчивых реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе социальной коммуникации. Но само значение слова «норма» рассматривается как нечто усредненное, общее: узаконенное установление, обычный общепризнанный порядок, установленное правило.

Таким образом, трансформации экстралингвистического аспекта функционирования языка находят непосредственное отражение в представлении о норме как основной характеристике литературного языка.

Следует отметить, что изменилась и сама оценка литературного языка. Если в XX веке мы подчеркивали его связь с литературой, в первую очередь с классической, что поддерживалось и многочисленными примерами, зафиксированными в академических словарях, и даже установлением границ понятия «современный русский язык» – от Пушкина до наших дней, то теперь все чаще говорят не о литературном языке, а языке-стандарте.

Так, в национальном корпусе русского языка доля литературных текстов – более 40%, исключительно, по свидетельству В.А. Плунгяна, из уважения к «литературоцентричности» русской культуры. Для практики создания национальных корпусов принятая доля включения литературных текстов не более 30%.

Можно заключить, что сегодня мы наблюдаем трансформацию традиционной идеи нормативности. Норма перестает быть обязательной, приобретая черты рекомендательной. Причины этого видятся в изменении социально-культурной стратификации носителей языка, во многом определяющей черты литературного языка. На смену достаточно жестко установленным правилам пришли нормы, устанавливаемые полустихийно, мотивируемые современными особенностями речевой ситуации и регулируемые во многом социальной престижностью.

Выводы. Итак, современная отечественная лингвистика оказалась в очень трудном положении: с одной стороны, нельзя допустить образования пропасти между носителями (литературного) языка-стандарта и нелитературных вариантов национального языка, с другой – как регулировать стихийную демократизацию нормативности. Изменение отношения к норме как основной характеристике литературного языка чревато размыванием основ литературного языка и, как следствие, подрывом целостности национальной культуры.

Список литературы

1. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно: [пособие по русскому языку] / Л.А. Вербицкая. – М.: Высшая школа, 2001.
2. Горбачевич К.С. Нормы современного русского языка [пособие для учителей] / К.С. Горбачевич. – М.: Просвещение, 1981.
3. Граудина Л.К. Культура русской речи как языковедческая дисциплина // Культура русской речи: [учебник для вузов] / под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 1998.
4. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история [текст] / Э. Косериу // Новое в русской лингвистике. – Вып.3. – М., 1960.
5. Кронгауз М.А. Язык и коммуникация: новые тенденции. Стенограмма лекции, прочитанной 19 февраля 2008 года в клубе-литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру» [Электронный ресурс] / М.А. Кронгауз. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2009/03/19/communication.html#>
6. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Русский язык, 1983.
7. Орфоэпический словарь русского языка / сост. В.И. Круковер. – СПб: ООО «Полиграфуслуга», 2006.
8. Скворцов Л.И. Норма [текст] / Л.И. Скворцов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.И. Ярцева – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997 – С. 270-272.
9. Солнцев В.М. Вариантность: [текст] / В.М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.И. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997 – С. 60-61.

Пономаренко І.М. Норма в сучасній мовній ситуації // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Часть 2. – С.164-168.

У сучасній російській мові змінюється уявлення про норму через зміну умов комунікації і традиційної оцінки літературної мови.

Ключові слова: норма, літературна мова, мова-стандарт, рекомендаційний характер, демократизація норми.

Ponomarenko I.N. Norm in modern linguistic situation // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.164-168.

In modern Russian the concept of norm is being changed together with the change of communicational conditions and traditional estimation of the standard language.

Key words: norm, language of literature, standard language, recommended character, democratization of norm.

Поступила в редакцію 27.04.2011 г.